

A close-up portrait of a young man with wavy brown hair and light green eyes. He is wearing a dark jacket with a thick, textured, light-colored fur collar. He is holding a round, vintage-style compass in his right hand, looking directly at the camera with a serious expression. The background is blurred, suggesting an indoor setting with wooden elements.

Петр Со́йфер

Ночная смена

Петр Сойфер

Ночная смена

<https://litres.ru/73992849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джейк Моррис, 24 года, работает частным сновидцем: входит в чужие кошмары и устраняет то, что держит людей внутри. Три года назад он методично вычистил собственные сны — и с тех пор живёт без образов, без голосов, профессионально чисто.

Когда пожилая архитектор нанимает его для внука, девяти лет, который не выходит из комы после несчастного случая, Джейк входит — и обнаруживает в чужом сне собственный кошмар. Тот, который он убрал. Тот, который думал, что исчез.

Кошмар не исчез. Он просто нашёл другой дом.

Психологический роман о том, что происходит, когда человек входит в пространство другого — и что это делает с обоими.

Петр Сойфер

Ночная смена

НОЧНАЯ СМЕНА

роман

Пётр Сойфер

ПРОЛОГ

Джейку снилось, что он тонет — и это было бы терпимо, если бы он тонул сам.

Но в воде был кто-то ещё.

Он не видел лица. Видел руки — женские, знакомые, с обломанным ногтем на указательном пальце левой руки, — и эти руки не пытались выплыть. Они просто висели в тёмной воде, слегка покачиваясь, как водоросли. Как будто тело уже решило, а разум ещё не знал.

Мама.

Он рванулся к ней — и вода не сопротивлялась, она была слишком мягкой, слишком тёплой, совсем не похожей на воду, скорее на темноту, у которой есть вес. Он схватил её за запястье. Почувствовал пульс — медленный, с паузами, как у человека, который устал считать удары.

— Мам.

Она повернулась. Её лицо было спокойным. Не мёртвым — именно спокойным, что было страшнее. Так выглядит человек, который наконец перестал бороться с чем-то, с чем боролся очень долго.

— Всё нормально, — сказала она. — Иди спать.

— Я сплю, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Я тоже.

Он проснулся в три ночи на своём матрасе, в своей комнате, в квартире, где теперь было на одного человека меньше. За стеной было тихо. Он встал, прошёл по коридору, толкнул дверь материнской спальни.

Она лежала на боку, лицом к стене. Плечи двигались — дышит. Он стоял в дверях, пока не убедился, что ритм ров-

ный. Потом вернулся к себе и лежал до утра с открытыми глазами, не понимая, где кончался её сон и начинался его.

Ему было двенадцать лет. Отец ушёл девять дней назад.

Он не рассказал матери. Не потому что боялся напугать. Просто не было слов для того, что произошло — только ощущение, что он побывал там, где его не должно было быть. Как будто зашёл в комнату, не постучавшись, и увидел что-то, что не предназначалось ему.

Он запомнил её руки в воде. Обломанный ноготь на указательном пальце левой руки.

На следующее утро за завтраком он посмотрел на её руки. Обломанный ноготь. Именно тот палец.

Он ничего не сказал. Налил ей кофе. Сел рядом.

ЧАСТЬ I. ТЕХНИК

Глава первая. Техник

Нью-Йорк, март 2028 года.

Клиента звали Ричард Фолл, сорок семь лет, управляющий хедж-фондом, три года хронических кошмаров после развода. Не метафорических — буквальных: каждую ночь одно и то же, с вариациями, как сериал с плохим сценаристом. Джейк прочитал его за четыре встречи.

Сейчас он сидел в кресле в своей квартире на Клинтон-Хилл, держал в левой руке запонку Фолла, золотую, с монограммой, и ждал, пока граница между бодрствованием и сном станет достаточно тонкой, чтобы через неё можно было шагнуть.

Это занимало около двадцати минут. Раньше занимало больше.

Он думал о Фолле методично, без усилия. Статус: человек, построивший себя из ничего, смертельно боящийся вернуться в ничто. Нормы: контроль — это добродетель, слабость — это выбор, чужая боль — это неэффективность. Страх, который не может себе признать: что он ушёл из семьи не потому что жена была невыносима, а потому что сам был невыносим — и она просто первой это сказала вслух. Рутинa: виски в одиннадцать, новости в одиннадцать пятнадцать, темнота в полночь, кошмар в час. Привязанность: дочь, восемь лет, которую видит по выходным и не знает, о чём говорить. Энергия: высокая, но поверхностная. Рефе-

рентные группы: голоса в снах говорят его же словами, только с обвинительной интонацией.

Джейк знал, кем войдёт. Нейтральная фигура, почти невидимая — человек из техподдержки. Не судья, не спаситель. Просто кто-то, кто пришёл посмотреть, где течёт.

Граница истончилась.

Он шагнул.

Сон Фолла выглядел как переговорная комната — длинный стол, белые стены, флуоресцентный свет, который не отбрасывал теней. За столом сидели люди, которых Джейк не знал, но узнавал: тот, кто смотрит с разочарованием — отец; та, что смотрит с усталостью — жена; маленькая, которая смотрит и ничего не говорит — дочь. Фолл стоял во главе стола и объяснял что-то по слайдам, которых не было.

Джейк вошёл тихо. Сел в угол. Стал наблюдать.

Кошмар был простым — почти примитивным в своей честности. Фолл объяснял, объяснял, объяснял — цифры, графики, аргументы, — а они смотрели, и в их взглядах не было ни злости, ни осуждения. Только усталость. Только: мы тебя слышим. Мы просто не верим, что это важно.

Джейк нашёл источник за семь минут. Не в людях за столом — в самом Фолле, в том, как он держал указку: слишком крепко, побелевшие костяшки, как будто, если отпустить, всё рассыплется.

Он не рассыплется. Это и было то, чего Фолл не знал.

Работа заняла двадцать три минуты. Переговорная стала чуть меньше. Свет — чуть теплее. Люди за столом не исчезли, но их взгляды изменились: не усталость, а просто присутствие. Мы здесь. Мы смотрим.

Этого было достаточно.

Он вышел.

Квартира. Кресло. Запонка тёплая в кулаке.

Джейк открыл глаза, подождал, пока комната перестанет казаться плоской, и записал в телефон: Фолл. Третий вход. Источник — контроль как единственный язык близости. Нейтрализован. Рекомендация: не повторять.

Три входа — его правило. После третьего клиент начинает зависеть, а зависимость не входила в прейскурант.

Он перевёл взгляд на окно. Март, семь утра, Бруклин просыпался со своим обычным равнодушием. Джейк встал, поставил кофе и не думал ни о чём, кроме кофе.

Телефон вибрировал. Новое сообщение, незнакомый номер.

Мне дали ваш контакт. Это касается моего внука. Он в коме. Я готова заплатить.

Он посмотрел на сообщение. Отпил кофе.

Кома — не сон, подумал он. _Это другое. Это сложнее. Это риск.

Он допил кофе. Написал ответ.

Когда вам удобно встретиться?

Встреча с Эвелин

Она назначила кафе на Монтегию-стрит, Бруклин-Хайтс. Не ресторан, не офис — кафе, где можно уйти быстро, если человек окажется не тем. Джейк это оценил.

Эвелин Ван дер Берг пришла на семь минут раньше него. Сидела лицом к двери, спиной к стене, с чашкой чёрного кофе и без телефона на столе. Маленькая, прямая, седые волосы коротко острижены. Одета просто — серый джемпер, тёмные брюки, ничего лишнего. На левой руке часы мужского размера, явно не свои.

Джейк вошёл, она посмотрела на него раньше, чем он успел её найти. Оценила за две секунды — он видел это потому, как слегка расслабились плечи. Не успокоилась. Просто приняла к сведению.

— Моррис, — сказал он.

— Ван дер Берг, — сказала она. — Садитесь.

Не «рада познакомиться». Не «спасибо, что пришли». Просто — садитесь.

Она открыла папку — бумажную, не планшет — и положила перед ним фотографию.

Мальчик, лет восьми-девяти, светловолосый, смеётся в объектив. За спиной — строительные леса.

— Маркус, — сказала она. — Мой внук. Девять лет. Три

недели назад на объекте упала балка. Рабочий погиб на месте. Маркус получил удар по голове, потерял сознание. — Пауза. — Физически здоров. Мозговая активность в норме. Не просыпается.

— Врачи говорят?

— Врачи говорят «ждите». — В её голосе не было горечи. Просто констатация. — Я нашла вашу студенческую статью о клинике в Бронксе — они использовали сновидческие техники для пациентов в вегетативных состояниях. Результаты были. Потом клинику закрыли.

— Я знаю. Я её написал.

— Я знаю, что вы её написали. Я также знаю, что вы больше не журналист. И что вы делаете вместо этого.

Джейк взял чашку. Не торопился.

— Кто дал вам мой контакт?

— Женщина, которой вы помогли два года назад. Паника в замкнутых пространствах, корни в детстве. Она сказала: он не психолог, не объясняет, просто делает. Я оценила формулировку.

— Я должен вам кое-что объяснить. Я работаю со снами. Кома — не сон. Граница между ними размыта, но она есть, и я не знаю, где именно она проходит у вашего внука. Риск застрять — реальный. Не метафорический.

— Что значит застрять?

— Значит, что я могу войти и не найти выход. Не физически — психически. Диссоциация, потеря ориентации, в худшем случае — то, что называют функциональным ступором. Это редко. Но это возможно.

Она смотрела на него без страха и без скептицизма.

— Я понимаю риск. Ваш риск. Что касается Маркуса — врачи уже три недели говорят «ждите». Я не умею ждать.

— Это я заметил.

Что-то в её лице дрогнуло — не улыбка, но близко к ней.

— Я уже решил, — сказал Джейк. — Мне нужно время, чтобы подготовиться. Две недели, возможно три. Мне нужно всё, что вы знаете о мальчике — не медицинское. Личное. Что любит, чего боится, как засыпал, что снилось. Есть ли

что-то, к чему он был особенно привязан — игрушка, предмет, место.

Она открыла вторую страницу в папке. Плотный текст, мелкий шрифт, три страницы.

— Я подготовила, — сказала она просто.

— Вы не знали, соглашусь ли я.

— Нет. Но если бы вы согласились, время было бы важно. Я строила дома сорок лет, Моррис. Я не жду решения, чтобы начать готовиться к нему.

Он убрал листы во внутренний карман.

— Есть ещё один вопрос. Маркус был на объекте в день несчастного случая. Почему?

Первая пауза. Настоящая — не риторическая.

— Объект принадлежал его деду. Моему мужу. Питер умер два года назад. Маркус часто ходил туда с ним. В тот день Маркус пошёл один. Я не знала.

— Я свяжусь с вами через три дня.

Она встала первой. Протянула руку — крепкое, короткое рукопожатие.

— Моррис. Я навела справки о вас. Ваш отец — инженер-строитель. Это не имеет значения для работы. Просто я люблю знать, с кем разговариваю.

Она вышла раньше, чем он успел ответить.

Джейк остался с остывшим кофе и тремя страницами мелкого текста. Он достал листы и начал читать.

На первой странице, в самом верху, детским почерком было написано одно слово. Имя мальчика, выведенное старательно, с нажимом: Маркус. И под ним, тем же почерком: я ещё вернусь.

Джейк не знал, когда это было написано. Но рука не дрогнула.

Матрица не сходится

Он читал три дня.

Медицинские файлы — сначала, быстро, по диагонали:

черепно-мозговая травма средней тяжести, отёк снят, неврологический статус стабильный, показатели ЭЭГ в пределах нормы для поверхностной комы. Врачи писали аккуратно, с профессиональной осторожностью, которая на языке родственников означала: мы не знаем.

Потом — материалы Эвелин. Три страницы мелкого текста оказались девятью: распечатанные фотографии, несколько рисунков Маркуса, одна аудиозапись. Двенадцать минут. Маркус читает вслух какую-то книгу, слышно, как на фоне работает посудомоечная машина. Голос ровный, серьёзный, с паузами в неожиданных местах — как будто проверял каждое предложение на прочность.

Джейк прослушал запись четыре раза. На пятый начал строить матрицу.

Статус — первая ось. Эвелин писала: Маркус не лидер в классе и не изгой. Держится с двумя-тремя мальчиками, остальных наблюдает. Учителя говорят — вдумчивый. Я бы сказала — осторожный. Он много смотрит, прежде чем сделать.

После смерти деда изменился. Стал тише. Не грустнее — именно тише, как будто убавил громкость. Дед был его главным человеком. Я — второй. Мать он не помнит.

Статус: мальчик, чей главный человек исчез. Иерархия рассыпалась, новая не выстроилась. Джейк поставил галочку. Неполно, но достаточно для входа.

Нормы — вторая ось. Рисунки. Семь штук, карандаш и фломастеры. На пяти из семи было строительство: краны, леса, фундаменты в разрезе, один детальный чертёж лестничного пролёта, сделанный с такой точностью, что Джейк невольно остановился. Девятилетний ребёнок не рисует лестничные пролёты в разрезе случайно.

Дед брал его на объекты с четырёх лет. Маркус знал названия инструментов раньше, чем научился читать. Питер говорил: он понимает, как вещи держатся вместе.

Норма Маркуса: мир — это конструкция. У всего есть опора, соединение, логика крепления. Вещи держатся вместе, если правильно построены.

Балка упала. Рабочий погиб.

Джейк смотрел на рисунок лестничного пролёта. Мир, в котором вещи держатся вместе — и один день, когда они не удержались. Это не просто травма. Это разрушение норматива. Фундамента.

Страх и угроза — третья ось. Эвелин написала одну строчку: Маркус не говорил о страхах. Если боялся — не показывал. Дед учил: сначала смотри, потом реагируй.

Сначала смотри, потом реагируй — это не про бесстрашие. Это про контроль над реакцией. Мальчик, которого учили не показывать страх, не перестаёт бояться. Он просто прячет глубже.

Что он не мог себе признать? Джейк не знал. Это была лакуна — первая, но не последняя.

Рутинa — четвёртая ось. Эвелин описала подробно, почти с нежностью: Каждый вечер перед сном он раскладывал на подоконнике три предмета. Всегда одни и те же: маленький строительный уровень деда, камень с какой-то стройки — серый, плоский, с белой прожилкой — и фотография. Я не знаю, что на фотографии. Он никогда не показывал. Раскладывал, смотрел несколько минут, потом ложился. Засыпал быстро.

Он написал Эвелин: Мне нужен один из трёх предметов с подоконника. Уровень или камень.

Она ответила через сорок минут: Уровень у меня. Камень

и фотография — в больнице. Почему не фотография?

Написал: Потому что фотографию он не показывал. Это его личное. Я не хочу туда без разрешения.

Долгая пауза. Потом: Я привезу уровень завтра.

Привязанность — пятая ось. Дед. Питер Ван дер Берг, архитектор, умер два года назад. Некролог — короткий, сдержанный, явно написанный Эвелин: построил более сорока объектов в трёх странах, верил, что хорошая архитектура — это уважение к тем, кто будет внутри.

Привязанность — дед. Но дед умер до несчастного случая. Значит, в снах Маркуса он уже был отсутствием — фоном, на котором травма случилась. Двойное отсутствие: сначала дед, потом — это.

Энергия — шестая ось. Ребёнок в коме. Джейк не знал. Это была вторая лакуна.

Референтные группы — седьмая ось. Голоса, которые комментируют. Джейк закрыл глаза и слушал не слова — интонацию. Мальчик читал так, как будто проверял каждое предложение на прочность. Как будто где-то внутри был кто-то, кто мог не согласиться.

Сначала смотри, потом реагируй. Голос деда — уже внутри, уже часть хора. Но дед умер. Голос остался. В снах он мог звучать иначе.

Он смотрел на матрицу. Обычно к этому моменту она сходилась. Сейчас пересечения не было. Статус — неполный. Страх — скрыт. Энергия — неизвестна. Референтные группы — под вопросом. Четыре из семи осей давали либо лакуну, либо тревогу.

Матрица не сходилась.

Джейк встал, налил воды, выпил стоя у окна. Бруклин за стеклом был плотным и равнодушным, как всегда.

Он мог отказаться. Она бы поняла. Она не из тех, кто давит.

Он посмотрел на рисунок лестничного пролёта, который всё ещё лежал на столе.

Мальчик, который знал, как вещи держатся вместе. Мальчик, чей мир однажды не удержался.

Джейк убрал телефон. Сел обратно за стол.

Я войду с тем, что есть. Лакуны заполню внутри. Это против правил.

Он подчеркнул последнее предложение. Не для того чтобы предупредить себя. Просто чтобы не забыть, что знал.

Уровень

Эвелин приехала в десять утра, без предупреждения — просто позвонила в дверь.

— Я проезжала мимо, — сказала она.

Бруклин-Хайтс и Клинтон-Хилл не были по дороге никуда в одном направлении. Он не стал этого говорить.

Строительный уровень — небольшой, алюминиевый, с жёлтой колбой посередине, потёртый на углах. Явно рабочий, не декоративный, много раз бравший в руки один и тот же человек. Джейк взял его, почувствовал вес. Холодный, плотный, настоящий.

Под уровнем — конверт.

Рисунок карандашом — плотная бумага, нарисовано тща-

тельно, с нажимом. Тёмный коридор, перспектива уходит вглубь. В конце — свет, неяркий, скорее серый, чем белый. По стенам — горизонтальные балки, через равные промежутки. И в самом центре, на переднем плане, маленькая фигура. Стоит спиной к зрителю, смотрит в глубину.

— Он говорил что-нибудь, когда рисовал?

— Нет. Я спросила, что это. Он сказал: просто коридор.

— Эвелин. Когда вы последний раз разговаривали с Маркусом перед несчастным случаем?

— Утром того дня. За завтраком. Он ел овсянку и читал что-то про мосты, инженерные конструкции. Я сказала: допивай молоко. Он допил. Я уехала на встречу.

— Он сказал, что идёт на объект?

— Нет.

Долгая пауза. Настоящая.

— Я не знала, что он ходит. Я думала, он перестал. После Питера. Мне казалось, ему будет больно.

— А ему, наверное, наоборот.

Она посмотрела на него. Долго.

— Да. Наверное, наоборот.

На пороге остановилась.

— Моррис. Когда вы войдёте — вы будете его видеть? То, что он видит?

— Да.

— И если там плохо — вы это почувствуете?

— Да.

Она кивнула. Не спросила больше ничего. Просто кивнула и вышла.

Джейк закрыл дверь. Потом взял уровень и рисунок, сел в кресло у окна, и долго смотрел на маленькую фигуру в тёмном коридоре — спиной к зрителю, лицом к серому свету в глубине.

Первое погружение

Он готовился два дня.

Синхронизация цикла, диета, медитация утром и вечером — не для расслабления, а для того, чтобы научить себя держать два состояния одновременно: здесь и там, своё и чужое.

На второй день он понял, что тянет время. Обычно перед входом он не боялся — был сосредоточен, собран, почти безразличен. Сейчас что-то под рёбрами сидело тихо, но устойчиво.

На третий день, в половине девятого вечера, он сел в кресло.

Уровень лежал в левой руке. Холодный алюминий, жёлтая колба, пузырёк воздуха замер ровно посередине.

Он начал перебирать матрицу — медленно, как всегда. Статус. Нормы. Страх. Рутинa. Привязанность. Энергия — лакуна. Референтные группы — лакуна. Персона входа сложилась неполной: не техник, не нейтральная фигура, что-то более размытое — человек, который тоже умеет смотреть, прежде чем реагировать.

Граница начала истончаться.

Джейк позволил ей.

Сначала — темнота. Не неприятная, просто плотная, как закрытые глаза.

Потом — запах. Бетон и металл, пыль и что-то ещё, едва уловимое — дерево, старое, нагретое солнцем. Запах стройки, но не свежей — устоявшейся, обжитой.

Потом — звук. Где-то далеко, приглушённо — равномерный стук. Молоток, или что-то похожее. Медленный, без спешки, как метроном.

Джейк открыл глаза.

Коридор.

Длинный, уходящий вглубь. Стены бетонные, грубые, с отпечатками опалубки. По обеим сторонам — горизонтальные балки, через равные промежутки, как на рисунке. В конце — свет, серый, неяркий, почти неотличимый от тени.

Он стоял в самом начале.

Коридор был точным. Не приблизительным, не похожим

— точным, как будто Маркус не нарисовал его по памяти, а скопировал изнутри. Каждая балка на своём месте. Расстояние между ними одинаковое.

Мальчик, который знает, как вещи держатся вместе.

Джейк не двигался. Слушал. Стук молотка где-то впереди, равномерный.

Он сделал шаг вперёд. Балки не шевелились. Коридор не менялся. Второй шаг. Третий.

На четвёртом шаге он почувствовал что-то под рёбрами — то самое тихое и устойчивое, что сидело там два дня. Только теперь оно стало отчётливее.

Он остановился. Посмотрел на стены.

Балки отбрасывали тени — вниз, на пол. Правильные тени. Всё верно.

Кроме одной.

Одна балка — третья слева, примерно на середине коридора — отбрасывала тень не вниз. Вверх. Еле заметно, почти невидимо.

Он сделал ещё шаг — и коридор дрогнул. В этом дрожании Джейк поймал что-то краем сознания, что-то знакомое, что-то, что он не мог назвать.

Он вышел.

Кресло. Квартира. Уровень в руке, пузырёк воздуха сбился — не по центру, чуть левее.

Только ощущение — тихое, устойчивое, неприятное — что он уже был в этом коридоре. Не сейчас. Давно.

А потому что он это уже видел. Где-то. Когда-то.

Он не мог вспомнить где.

Утро после

Он не спал до четырёх.

Не из-за страха — из-за того, что узнавание никуда не уходило. Он лежал с открытыми глазами и методично перебирал память: все входы за три года, все чужие сны, все коридоры и комнаты и открытые пространства.

Ничего похожего.

Он попробовал иначе: не профессиональная память, а личная. Детство, подростковый возраст, студенческие годы. Снилось ли ему что-то похожее?

Здесь был провал.

Не забывание — провал. Разница между ними в том, что забытое можно нащупать по краям. А провал — это просто темнота, ровная и без краёв.

Джейк знал, что это значит.

Три года назад он вычистил собственные кошмары. Не проработал, не интегрировал — именно вычистил, методично, как удаляют файлы. Он заходил в них осознанно, менял архитектуру, убирал источник, выходил. Повторял, пока не оставалось ничего. Три года он спал мёртвым сном. Профессионально чисто.

Но что именно он вычистил — он больше не помнил. Убрать не только образ, но и след образа — иначе след тянет обратно.

В четыре утра он встал, выпил воды, сел у окна.

Джейк смотрел на пустую улицу и думал: если что-то в коридоре Маркуса было знакомым — откуда оно пришло? Не из профессиональной памяти. Не из сознательной личной.

Значит, из того, что он убрал.

Занёс в блокнот одну строчку: коридор знаком. Источник — под вычищенным слоем. Проверить при втором входе.

Потом лёг и наконец заснул — без снов, как всегда.

Утром написала Сара. Не сообщение — звонок.

— Ты завтракал? — спросила она вместо приветствия.

— Нет.

— Я на Смит-стрит через час. Приходи.

Сара Чен работала в кофейне на Смит-стрит три года — не потому что не нашла ничего лучше, а потому что нашла именно это. Руки заняты, голова свободна, люди настоящие. Никакого алгоритма между ней и реакцией.

Она налила ему кофе раньше, чем он сел, поставила на

стойку без слова.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она.

— Доброе утро.

— Это не комплимент и не оскорбление, это диагноз.

— Ребёнок, — сказал он.

Сара остановила руку с тряпкой.

— Что?

— Клиент — ребёнок. Девять лет. В коме.

— Джейк.

— Я знаю.

— Ты же сам говорил — кома это другое.

— Я знаю, что говорил.

— И матрица не сходится. Четыре лакуны из семи. Я вошёл вчера с тем, что есть, и нашёл что-то, что не могу объ-

яснить. Я уже был там. Не у него. У себя. Только не помню где и когда.

Сара молчала.

— Ты вычистил свои сны три года назад.

— Да.

— И теперь что-то в его снах похоже на то, что ты вычистил.

— Да.

— Ты не только потому что ребёнок, — сказала она тихо.
— Ты потому что там что-то твоё. И ты хочешь знать что.

Он не ответил. Она поставила перед ним тарелку. Яйца, тост, несколько ломтиков авокадо.

— Спасибо, — сказал он.

— Ешь.

Он ел. За окном шёл обычный бруклинский день. Под рёбрами сидело тихое и устойчивое, и он уже почти привык

к его весу — почти, но не совсем.

Второе погружение

Он ждал четыре дня.

На четвёртый день, вечером, он достал уровень и сел в кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.